

*Южная Дакота,
июнь 1989 года*

еззаботной жизни Купера Салливана настал конец. Суд в лице родителей отмел все разумные аргументы и остался безжалостен к просьбам. Не помогли ни угрозы, ни упрямство. Приговор привели в исполнение, и Салливана отправили в место заключения, лишив всего, что он знал и любил. В мир без видеосалонов и бигмаков.

Единственное, что не давало умереть от скуки или просто свихнуться, — любимый Game Boy.

Все, что остается во время двухмесячной каторги на гребаном Диком Западе, — рубиться в «Тетрис». Куп прекрасно знал, что эту игру отец получил в Токио напрямую с конвейера. И это что-то вроде взятки в обмен на отсутствие капризов.

Пусть ему всего одиннадцать лет от роду, но мозги ему не запудрить.

Почти ни у кого в Штатах нет этой игры. Клево, конечно. Но в чем прикол иметь то, о чем все мечтают, если ты даже перед друзьями похвастаться не можешь?

При таком раскладе максимум, что тебе светит, — стать Кларком Кентом или Брюсом Уэйном, отстойным альтер-эго крутых парней.

Все его друзья остались в Нью-Йорке, за миллионы миль отсюда. Они собирались провести лето вместе, отправиться на пляжи Лонг-Айленда или на берег Джерси. Ему обещали две недели в бейсбольном лагере в июле.

10 НОРА РОБЕРТС

Это было раньше.

Теперь родители уезжают в Италию, Францию... или куда там еще едут взрослые на второй медовый месяц, спасая свой брак.

Да уж, Купу мозги они не запудрили.

Последнее, что хотят взять с собой взрослые в романтическое путешествие на двоих, — своего одиннадцатилетнего сына. Поэтому его сплавили к бабушке и дедушке в Южную Дакоту.

Вернее, в «богом забытую Южную Дакоту». Сколько раз величала ее так мать Купа, по пальцам не пересчитать. За исключением того раза, когда она с улыбкой стала убеждать сына, что на ее малой родине его ждут приключения и знакомство со своими корнями. Удивительным образом «богом забытое место» превратилось в «уникальное», «такое интересное», «ближе к природе»... Будто бы Куп не знал, что мать сбежала с маленькой паршивой фермы своих родителей, как только ей стукнуло восемнадцать!

Сама-то сбежала, а он знай торчи теперь тут, хотя ничем не заслужил этого. Разве это он виноват, что отец не смог удержать свой член в штанах, а мать компенсировала разочарования в браке шопоголизмом на Мэдисон-авеню? Куп все знал, потому что подслушивал. Сами все испортили, а его приговорили к лету на гадкой ферме с бабкой и дедом, о которых он почти ничего не знал. Ну, кроме того, что они древние старики.

Его заставили ухаживать за вонючими лошадьми, которые смотрели так угрожающе, будто вот-вот укусят. И за вонючими курами, которые нападали взаправду.

В отличие от родителей Купера, старики обходились без домработницы, которая по утрам взбивала бы яичные белки для омлета и расставляла бы по местам разбросанные Купером коллекционные фигурки. Здесь все, включая дряхлую бабушку, ездили на грузовиках. Такси не было и в помине.

Куперу пришлось помогать по хозяйству и питаться едой домашнего приготовления — он такой в жиз-

ни не пробовал. Может, она и была вкусной, суть-то не в этом.

В доме не было нормального телевизора, в округе не было «Макдоналдса». Ни тебе китайской кухни, ни доставки пиццы. Ни друзей. Ни парка, ни кинотеатров, ни игровых автоматов.

С тем же успехом можно было бы поехать в Россию или в другую подобную глушь.

Он отлепился от Game Boy и уставился на унылый пейзаж за окном машины. Горы, прерии, деревья и прочая чушь. Кажется, с тех пор, как они уехали с фермы, вид за окном не поменялся вообще. Спасибо хоть бабушка с дедушкой перестали отрывать его от игры, чтобы обратить внимание на очередную фигию.

Можно подумать, его волнуют какие-то поселенцы, индейцы и солдаты, которые ошивались здесь еще до его рождения! Блин, да еще до рождения его доисторических бабушки с дедушкой.

Кому есть до всего этого дело? Когда есть «Люди Икс» и результаты соревнований по боксу. Неистовый Конь¹ и Сидящий-Черт-Те-Где Бык² — отстой.

По мнению Купа, тот факт, что ближайший к ферме город назывался Дедвуд³, говорил сам за себя. Дедовский город, город для стариков, где совершенно ничего не происходит. Мертвечина и сухостой.

Ему не было дела до ковбоев, лошадей и бизонов. Его волновали бейсбол и видеоигры. За лето он не посмотрит ни одной игры «Нью-Йорк Янкис».

Мертвецом быть и то веселее.

¹ Мемориал Неистового Коня — колоссальная голова, высеченная из цельной скалы в штате Южная Дакота, памятник посвящен вождю индейского племени оглала. *(Здесь и далее, за исключением специально оговоренных случаев, прим. ред.)*

² Сидящий Бык (Бизон, сидящий на Земле) — прозвище легендарного вождя индейского племени хункпапа, возглавлявшего сопротивление коренного населения вооруженным силам США.

³ Deadwood (англ.) — мертвое дерево.

12 НОРА РОБЕРТС

Куп заметил группу странных существ, похожих на оленей, если бы те были мутантами-переростками; они протопали мимо по высокой траве, меж деревьев и зеленых холмов. И какого фига ферма называется «Черные холмы», если холмы — зеленые? В этой идиотской Южной Дакоте ни черта не смыслят в зелени.

Ни небоскребов, ни улиц, ни торговцев на тротуарах. Домом здесь и не пахло.

Бабушка, сидевшая впереди, развернулась к нему:

— Ты видел, Купер? Там были лоси.

— Наверное.

— Еще немного, и мы будем дома у Шансов, — известила она внука. — Это так мило, что они пригласили нас на ужин. Тебе понравится Лил. Вы с ней почти ровесники.

— Да, мэм, — сказал Куп заученным тоном. Очень нужно ему встречаться с какой-то глупой девчонкой с фермы. От нее самой небось несет лошадью, да и выглядит она под стать.

Он опустил голову и занялся Тетрисом, надеясь, что его оставят в покое. Бабушка и мать Купа были похожи как две капли воды. Только бабушка — уже старуха без осветленных завитых локонов и макияжа. Тем не менее стоило Купу посмотреть на эту странную старуху с морщинками вокруг голубых глаз, как он видел в ней свою мать. Это было жутковато. И все же это была его бабушка, которую звали Люси.

Она все время готовила и пекла. И развешивала простыни и одежду на веревке на заднем дворе фермы. Что бы она ни делала — шила ли, стирала, — она все время пела. У нее был красивый голос — на любителя, конечно.

Она ловко управлялась с лошадьми, и, признаться, Купа впечатлило, как она вскочила на одну из них без седла.

Ей было уже до фига лет — не меньше пятидесяти точно. Ну хоть песок не сыплется, и то ладно.

Обычно бабушка ходила в сапогах, джинсах и клетчатых рубашках. Только сегодня она наконец надела платье и распустила косу каштановых волос.

Поездка казалась бесконечно монотонной до тех пор, пока грузовик не начал подпрыгивать на ухабах. Тогда Куп глянул в окно и увидел, что ровной земли стало меньше, зато деревьев прибавилось, а небо было изрезано силуэтами гор. Пейзаж с обеих сторон пестрел множеством бугристых зеленых холмов, увенчанных голым камнем.

Он знал, что дедушка и бабушка разводят лошадей и сдают их в аренду туристам, желающим совершить конную прогулку. Ему такое было не понять. Он никак не мог взять в толк, зачем кому-то садиться верхом и нестись вскачь между скал и деревьев.

Гравийная дорога сменилась глухой неухоженной тропой, и Куп увидел, что по обеим сторонам пасется скот. Он надеялся, что путешествие подходит к концу. Его не волновали ни ужин на ферме Шансов, ни знакомство с глупой Лил — он просто хотел в туалет.

Дедушка притормозил возле скотных ворот; бабушка вылезла из кабины, чтобы открыть их и пропустить грузовик. Тем временем мочевого пузыря Купа начал протестовать.

Вокруг мелькали какие-то сараи, амбары, конюшни, но что это было, не имело значения. Все это, насколько он мог судить, было признаком цивилизации.

На одних полях что-то росло, на других паслись лошади — будто маялись без дела.

Когда подошли к дому Шансов, Куп увидел, что он очень похож на их собственный. Двухэтажный, с окнами и большим крыльцом. Только у них белый, а этот голубой.

Вокруг было полно цветов. Они вполне могли радовать глаз — того, кого не заставляли полоть клумбы, разумеется.

На крыльцо вышла женщина и помахала рукой. Она тоже была в платье. Таким длинным, точь-в-точь как наряды хиппи, которых Куп видел на фотках. У нее были очень темные волосы, которые она собрала в тугой хвост.

14 НОРА РОБЕРТС

Во дворе у дома стояли два грузовика и старая легковушка.

Вечно молчаливый дедушка Купа вылез наружу.

— Хэй, Дженна.

— Сэм, дорогой. Рада тебе. — Женщина чмокнула дедушку в щеку, затем повернулась и крепко обняла бабушку. — Люси! Я же говорила: привозите только себя, — укоризненно заметила она, когда бабушка достала из багажника корзинку.

— Это вишневый пирог, вот, решила взять.

— Что ж, он точно будет кстати, не пропадет. А ты, видимо, Купер. — Дженна протянула мальчику руку, повзрослому приветствуя его. — Добро пожаловать.

— Спасибо.

Она опустила руку ему на плечо.

— Пошли внутрь. Лил не терпится с тобой познакомиться, Купер. Они с отцом пока заняты, но скоро придут. Хочешь лимонада? После такой долгой поездки наверняка хочется пить.

— Хм. Наверное. Могу я узнать, где туалет?

— Конечно. Он в доме. — Дженна рассмеялась, а от лукавого взгляда ее темных глаз у него аж затылок запылал. Как будто она подслушала его мысли о том, как старо и уныло здесь все выглядит.

Дженна провела его через большую гостиную, затем через комнату поменьше и кухню, где пахло точь-в-точь как в бабушкиной.

Еще одна кухня с домашней едой. Все ясно.

— Туалет там. — Она небрежно похлопала Купа по плечу, и он почувствовал очередной прилив жара к шее. — Возьмем лимонад и посидим на заднем крыльце? — предложила она старикам.

Мать Купа назвала бы это туалетной комнатой. Он с наслаждением облегчился, затем вымыл руки в крошечной раковине, установленной в углу. Рядом на стержне висели бледно-голубые полотенца, украшенные вышивкой в виде маленькой розовой розы.

У него дома, размышлял Куп, туалетная комната в два раза больше, а шикарное дорогое мыло лежит в хрустальном блюде от Тиффани. Полотенца — намного мягче, и на них вышиты монограммы.

Замешкавшись, он ткнул пальцем в лепестки белых маргариток, стоявших в хлипком деревянном горшке на раковине. Дома, наверное, были бы розы. До сих пор он не обращал внимания на такие вещи.

Его мучила жажда. Захотелось взять пару литров лимонада, пакетик чипсов и растянуться на заднем сиденье машины со своим Game Boy. Все лучше, чем сидеть с кучей незнакомых людей на крыльце старого чужого дома; да еще небось несколько часов кряду.

Куп слышал, как они там в кухне разговаривают и подшучивают друг над другом, и прикидывал, как долго сможет тянуть время, прежде чем выйти обратно.

Выглянув в маленькое окошко, он убедился, что там все та же скучища. Конюшни и загоны, амбары и силосные ямы, тупые сельскохозяйственные животные, оборудование странного вида.

Не то чтобы он хотел поехать в Италию и гулять там, разглядывая всякое антикварное старье, но там он мог бы, по крайней мере, есть пиццу сколько влезет.

Из сарая вышла девчонка. У нее тоже были темные хипповские волосы, поэтому он решил, что это Лил. На ней были джинсы, закатанные до щиколоток, кроссовки на высокой платформе и красная бейсболка поверх темных кос.

У девчонки был неухоженный и глупый вид — и она сразу же ему не понравилась.

Секунду спустя вслед за ней вышел мужчина. С волосами соломенного цвета и длинным хвостом — ну точно хиппарь. И тоже в кепке. Он сказал девчонке что-то, отчего она рассмеялась и покачала головой. Что бы там ни было, но она вдруг побежала, а мужчина догнал и поймал ее.

Куп услышал, как девчонка завизжала от смеха, когда мужчина подбросил ее в воздух.